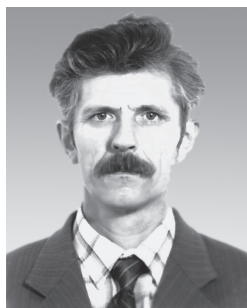

РЫБОЛОВСТВО И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО УДЭГЕЙЦЕВ

Анатолий Федорович СТАРЦЕВ,
кандидат исторических наук

Традиционное хозяйство удэгейцев изначально было комплексным: они занимались охотой, рыболовством и собирательством, а в годы советской власти стали осваивать сельское хозяйство и другие виды промыслов.

На первом этапе коллективизации среди удэгейцев сразу стали создаваться колхозы. Первым таким колхозом в 1932 г. стала артель самаргинских удэгейцев «Сихотэ-Алинский колхозник». У хорских удэгейцев в 1932—1933 гг. в стойбищах Гвасюги, Джанго, Чукен и Катэн вначале были созданы простейшие производственные товарищества (ППТ)¹. Они просуществовали до 1933 г. В июне этого года при Хорском интегралсоюзе хорские артели «Джанго», «Гвасюги», и «Чукен» объединились в единое хозяйство «Ударный охотник». 15 марта 1935 г. в объединенный колхоз вошло и полукочевое ППТ «Катен» (14 хозяйств, 65 чел.).

Таким образом, в начале 1935 г. в колхозе «Ударный охотник» (с. Гвасюги) имелось 34 хозяйства (154 чел.). Руководили им только удэгейцы во главе с председателем Данзули Кялундзига. За колхозом «Ударный охотник» был закреплен охотничий участок площадью 360 тыс. га и 1 га пашенных угодий для коллективного посева картофеля и овощей. Имущество состояло из трех неводов, нескольких лопат и тяпок, хомута, саней, двух лошадей и двухлетнего жеребца — всего на общую сумму 8150 рублей².

Среди бикинских удэгейцев первое ППТ было создано 1 января 1933 г. в с. Метакхезе. Его назвали им. XVII съезда ВКП(б). ППТ в 1935 г. объединяло 69 хозяйств (239 чел.) — это 100% коллективизированного населения. Второе ППТ им. Смидовича появилось 10 февраля 1934 г. в с. Олоне. Оно объединяло 115 чел. — 98% коллективизированного, преимущественно нанайского и удэгейского населения. Главной отраслью этих товариществ являлась охота, а подсобными — сельское хозяйство, рыболовство и извоз³.

Иманские удэгейцы создали ППТ «Удэхеец» 1 марта 1933 г. в с. Санчихезе Калининского района. Ему было отведено 203 га земли под пашни и сенокосы, а также обширные охотничьи угодья. Вначале оно объединяло 60,4% удэгейцев (29 чел.), 27% украинцев (13 чел.), 4,2% русских (по 2 чел.) и 4,2% корейцев и китайцев (2 чел.)⁴. Впоследствии численность ППТ увеличилась за счет русского и удэгейского населения, потому что заработки колхозников превышали заработок единоличника в 2,2 раза⁵.

Среди анюйских удэгейцев ППТ возникло в 1933 г. под названием «Красный Удэ», а хунгарийские удэгейцы и орочи в 1934 г. свое ППТ назвали «Красная тайга». К 1935 г. все товарищества стали работать по уставу коллективных хозяйств.

В ходе коллективизации удэгейские колхозы создавались как комплексные хозяйства. При этом коренное население само выбирало направление хозяйственной деятельности артели. Так, бикинские удэгейцы, ранее занимавшиеся земледелием, решили развивать в первую очередь сельскохозяйственное производство; самаргинские и приморские — рыболовство, а для удэгейцев остальных территориальных групп главным направлением хозяйства стала охота.

Промышленным рыболовством со времени коллективизации занимались только самаргинские удэгейцы, остальные ловили рыбу лишь для личного пользования. В рыболовецкой артели «Сихотэ-Алинский колхозник» действовал устав, в котором отмечалось, что главное направление — это рыболовство, а сельское хозяйство, охота и другие виды промыслов являются подсобными.

В мае 1940 г. Приморский крайисполком закрепил за «Сихотэ-Алинским колхозником» Самаргинский рыболовный участок⁶. Рыболовецкий колхоз обслуживала Тернейская МРС. Она обеспечивала артель во время путины плавсредствами, орудиями промысла и другим инвентарем.

В «Сихотэ-Алинском колхознике» работали не только удэгейцы, но и русские. На время путины команды судов комплектовались преимущественно из числа русского населения и наиболее здоровой части удэгейской молодежи. «Такой подбор команд объясняется тем, что промысел требует от рыбака большой физической закалки. В то же время, по свидетельству врачей, морской рыболовный промысел очень вредно отражается на здоровье удэгейцев... Те удэгейцы, которые 5—6 лет подряд занимались морским рыболовством скорее всего подвергались заболеванию туберкулезом»⁷.

В хозяйстве сложился такой производственный цикл, что с марта большая часть удэгейского населения готовилась к промыслу и лову рыбы. В селе оставались женщины, занимавшиеся сельским хозяйством. В октябре мужчины, возвратившись с промысла, уходили на охоту.

К концу 30-х годов артель «Сихотэ-Алинский колхозник» добилась хороших результатов. В 1938 г. план добычи рыбы был выполнен на 165%, в 1939 г. — на 109%, в 1940 — на 118%⁸. Но дальнейшему развитию артели помешала война. Многие мужчины ушли защищать Родину. Их заменили подростки и женщины, что отрицательно отразилось на результатах работы. В 1942 г. артель выполнила план добычи рыбы только на 48%. Это объяснялось тем, что из-за недостаточного числа рабочих Тернейская МРС не смогла отремонтировать рыболовецкие суда к путине, а также неопытностью многих рыбаков, впервые вышедших на морской лов. 1942 г. для молодого поколения рыболовецкой артели был годом усиленной учебы и приобретения навыков морского механизированного лова рыбы. Самоотверженным трудом колхозники преодолели отставание и в 1943 г. выполнили план на 202%⁹. Почти 70% колхозного улова составил морской механизированный промысел. Больших успехов добились многие рыбаки, в том числе звенья удэгейцев Василия Камандзига и Сайту Камандзига, соответственно выполнившие план по добыче рыбы на 195 и 200%¹⁰.

За 1942—1944 гг. артель «Сихотэ-Алинский колхозник» выловила более 22 тыс. ц рыбы, но в путину 1945 г. из-за начала военных действий с Японией добыча рыбы сократилась¹¹.

Великая Отечественная война в значительной степени обострила проблему трудовых ресурсов в стране — не хватало рабочих рук не только в колхозах, но и в промышленности, где заработки были намного выше, а условия труда лучше. По этим причинам из колхозов начался отток крестьян. Отлив рабочей силы в другие отрасли производства произошел в послевоенные годы и в «Сихотэ-Алинском колхознике». За один только послевоенный год колхоз лишился 23 русских хозяйств¹². Это сильно ослабило артель. В результате упали объемы добычи рыбы. В 1943—1944 гг. на каждого члена

артели добывалось в среднем по 75,8 ц рыбы¹³. А в 1946—1956 гг. — 41 ц в год, что было значительно ниже плановой добычи.

Артель «Сихотэ-Алинский колхозник» длительное время не выполняла план добычи рыбы не только из-за нехватки специалистов, но и по причине плохой работы Тернейской МРС, которая в течение 10 лет (1947—1957 гг.) не обеспечивала колхоз необходимым инвентарем, нужным количеством плавсредств, хорошими кадрами и т.д.¹⁴

Исходя из отчетов колхоза, за 1947—1957 гг. не было ни одной путины, чтобы по вине Тернейской МРС не был задержан или даже полностью сорван лов рыбы в море. Так, например, в 1952 г. рыболовецкий флот Тернейской МРС, закрепленный за артелью «Сихотэ-Алинский колхозник», был использован только на 23,6%¹⁵, а на остальные 76,4% он опоздал с выходом в море: ремонтировался во время путины, использовался на пустые переходы и т.д. Один из рыболовецких сейнеров не был оборудован радиорубкой в течение нескольких лет. Из-за отсутствия радиста и связи с другими судами команда не знала места скопления рыбы, осуществляя лов наудачу¹⁶. Так, с 1955 г. артель рыбачила на юге Сахалина и не знала, что на севере в это время был массовый ход промысловой рыбы¹⁷.

Особенно тяжелое положение в рыболовном промысле создалось в 1956 г. Один рыболовецкий сейнер по неопытности капитана во время шторма был выброшен на берег, а другой — вышел на путину на две недели позже¹⁸. Кроме этого, отправив суда на лов сельди, Тернейская МРС снабдила их непроверенными кошельковыми неводами. При лове оказалось, что неводы неправильно сшиты и непригодны к работе. Ко всему сказанному следует добавить, что за путину 1956 г. на одном из рыболовецких сейнеров 5 раз менялись капитаны, 3 раза — механики, 2 раза — боцманы, 3 раза — радисты, а на другом судне вообще не было ни рации, ни радиста¹⁹. Все это полностью сорвало лов сельди и другой промысловой рыбы. Артель за счет речного рыболовства и частично морского сумела выполнить план добычи рыбы только на 44%. Таким образом, в послевоенные годы от задолженности государству артель спасал только охотничий промысел удэгейцев на пушного зверя. Так, в 1956 г. колхоз за счет охоты не только покрыл убытки от нерентабельного по многим причинам рыболовства, но имел и прибыль в сумме 14407 руб.²⁰

В докладной записке Совету Министров РСФСР «О состоянии и мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры малых народностей Севера» заместитель председателя Приморского крайисполкома А. Повх в 1955 г. отмечал, что за последние пять лет улов рыбы артелью «Сихотэ-Алинский колхозник» настолько мал, что каждый трудоспособный член артели, занимавшийся рыболовством или связанный с ним, имел заработок от 900 до 1200 рублей (за 8 месяцев). В это же время каждый охотник за 4 месяца добывал и сдавал пушнины на 3—4 тыс. руб.²¹

Поскольку традиционное занятие охотой для удэгейцев оказалось более значимым, чем морское рыболовство, они стали настаивать на переводе рыболовецкой артели на устав охото-промыслового колхоза²².

В 1956 г. просьбу самаргинских удэгейцев поддержал главный госохотинспектор Приморского крайисполкома И. Бельский. Он тоже обратился в краевые партийные и советские органы с предложением о немедленной реорганизации рыболовецкого колхоза в охотопромысловое хозяйство, а также предложил закрепить за новой артелью до 6000 кв. км охотугодий²³.

В начале 1957 г. Приморский крайисполком принял решение о реорганизации артели «Сихотэ-Алинский колхозник». Новый колхоз получил название «Сихотэ-Алинский охотник»²⁴. С этого времени охота у самаргинских удэгейцев, как и других территориальных групп, стала определяющей отраслью, а все другие занятия — рыболовство и сельское хозяйство — подсобными.

С образованием госпромхозов удэгейцы промышленным ловом рыбы не занимались, но для личных нужд по разрешению Приморского крайисполкома и управления Приморского рыбного хозяйства коренные жители производили отлов лососевых в пределах 50 кг на одного человека. Самаргинские, бикинские и иманские удэгейцы ловили лососевых на Амуре — в рыболовецких угодьях колхоза «Красный Маяк»²⁵.

Сельское хозяйство для удэгейцев было новым видом общественного производства, поэтому его развитие зависело от целого ряда объективных и субъективных факторов и встречало немало трудностей. До организации колхозов мелким огородничеством занимались только отдельные хозяйства бикинских и иманских удэгейцев, которые имели немного пахотных земель и выращивали овощи, кукурузу, картофель и бобовые культуры. Удэгейцы других территориальных групп не только не имели пахотных угодий, но даже не знали, как пахать или копать землю, как садить картофель и овощи и их обрабатывать, когда снимать урожай и как его хранить²⁶.

С организацией коллективных хозяйств советские и партийные органы Дальнего Востока поставили перед интегральной кооперацией задачу — за короткий срок внедрить сельское хозяйство в жизнь всех абorigенов Приамурья и Приморья, хотя перспектив для его развития не было.

В.Г. Ларькин, рассматривая развитие земледелия у удэгейцев, разделяет его на три этапа: на первом этапе (со дня коллективизации до начала 40-х годов) удэгейцы имели малые пахотные площади и осваивали азы земледелия. Второй этап (от 1940 до середины 50-х годов) характеризуется увеличением пахотных угодий и разнообразием выращиваемых сельскохозяйственных культур. Третий этап — конец 50-х годов — характерен резким снижением площадей пахотных угодий и нежеланием удэгейцев работать на земле²⁷.

На первом этапе развития земледелия удэгейцы приобретали навыки обработки земли, учились сажать растения и ухаживать за ними. Удэгейцы, ободряемые русскими учителями и ответственными работниками кооперативов, надеялись, что земледелие быстро разрешит их экономические проблемы. Определенную роль в развитии сельского хозяйства вообще, и земледелия в частности, сыграла эпоха 30-х годов, когда многие молодые люди страстно желали стать русскими или хотя бы быть похожими на них. Образцом русского человека для большинства коренных жителей были учителя, фельдшеры, ученые-этнографы, работники метеостанций, интегральных кооперативов, магазинов госторговли, с которыми удэгейцы часто вступали в разные контакты и знали, что они желали удэгейцам добра. Поэтому абorigены прислушивались ко всем советам русских, наблюдали за ними, когда те обрабатывали свои огороды, и старались во всем им подражать. Именно по этим причинам удэгейцы увеличивали пахотные угодья и делали все, что им советовало русское население.

Однако советские и партийные органы, не учитывая национальные особенности абorigенов и отбрасывая их энтузиазм заниматься сельским хозяйством на малых площадях, требовали от удэгейцев расширения пахотных и сенокосных угодий за счет лесных раскорчевок (так было у хорских удэгейцев) или отводили им пашенные и сенокосные угодья, удаленные от сел на десятки километров. Например, удэгейским колхозам им. XVII партсъезда (с. Сяин) и им. Сидовича (с. Олон) при отсутствии проездных дорог пашенные и сенокосные угодья были выделены в местечке Бурлит — это за 150—160 км от удэгейских сел²⁸. Итог такого «руководства» нетрудно предсказать: удэгейцы этих колхозов стали требовать переориентации сельскохозяйственного направления артелей на охотопромысловое, что и было сделано в 1938 г. Но в то время даже охотопромысловые артели полностью от сельского хозяйства не освобождались. Параллельно с охотничьим промыслом удэгейские колхозы обязаны были заниматься и сельским хозяйством.

К 1940 г. анойские удэгейцы из колхоза «Красный удэ» освоили 3,5 га целинных земель за счет долинных и таежных угодий, хорские (колхоз «Ударный охотник») — 7 га, у самаргинских удэгейцев («Сихотэ-Алинский колхозник») пахотных угодий вместе с конфискованными у «кулаков» стало 18 га, у бикинских — 39 га, а у иманских — 111 га²⁹. Несмотря на рост пахотных угодий, развитие сельского хозяйства сильно отставало от охоты и других промыслов. Большинство удэгейцев сельским хозяйством занимались без особого желания, и это отрицательно сказывалось как на производственной дисциплине, так и на производительности труда.

В колхозах не всегда вовремя производилась вспашка, сев, сбор урожая — все это прямым образом уменьшало валовой выход сельскохозяйственной продукции. Кроме того, некоторые руководители партийных и советских органов, не учитывая национальных особенностей удэгейцев, использовали одинаковые методы руководства как в отношении русских колхозов, так и удэгейских. Например, на 1940 г. исполком Пожарского райсовета запланировал колхозам бикинских удэгейцев освоить по 10 га целинных земель, а также было указано колхозу им. XVII партсъезда засеять зерновыми 35 га, а артели им. П.Г. Смидовича — 30 га³⁰. Такое плановое задание вызвало большое недовольство бикинских удэгейцев, поэтому они обратились с просьбой в Уссурийский областной совет депутатов трудящихся, чтобы артелям им. Смидовича и XVII партсъезда разрешили заниматься только охотопромысловой деятельностью.

В феврале 1941 г. колхозы бикинских удэгейцев были подчинены Уссурийскому облпромсоюзу. С переходом в данную систему управления удэгейские колхозники изменили свои названия. Колхоз им. XVII партсъезда получил название «Охотник», а артель им. Смидовича стала называться «Приморец». «Однако переход удэгейских артелей «Приморец» и «Охотник» в систему Уссурийского облпромсоюза не ликвидировал те трудности, которые стояли перед этими артелями в бытность их подчинения сельхозотделу Пожарского райсовета. По-прежнему сельское хозяйство превалировало над такой отраслью, как охотничий промысел»³¹.

В 1942 г. правления удэгейских артелей «Охотник» и «Приморец» стали добиваться перед Уссурийским исполкомом перевода их из системы облпромсоюза в систему потребительской кооперации Пожарского района. В 1943 г. ходатайство удэгейцев Бикина удовлетворили: артели «Охотник» и «Приморец» стали относиться к системе потребительской кооперации, при которой был создан отдел при Красноперевальском сельпо, руководивший этими артелями. В 1944 г. все имущество колхозов (40 пчелосемей и 124 тыс. руб.) было передано отделу потребительской кооперации, а в 1946 г. этот отдел прекратил свое существование, и колхозное население бикинских удэгейцев было забыто всеми органами власти. Удэгейцы небольшими группами разбрелись по всему Бикину и стали заниматься единоличным трудом. Так продолжалось до 1950 г., пока за объединение бикинских удэгейцев не взялся И. Бельский³².

В отличие от бикинских удэгейцев, колхоз иманских аборигенов «Удэхеец», возникший в мае 1932 г. в пос. Санчихеза (с. Островное, ныне исчезнувшее), сначала работал на уставе охотничье-промысловой артели. За колхозом были закреплены охотоугодья площадью 233250 га, которые были разделены на три участка. Два лучших участка отводились для членов артели, а третий (плохие угодья площадью 53440 га) — для удэгейцев, ведущих единоличное хозяйство³³. Однако охотоугодья колхоза оказались очень бедными промысловым зверем, особенно пушным, поэтому охота не могла обеспечивать нормальное существование коренного населения. В это же самое время члены колхоза «Удэхеец» в области сельского хозяйства добивались неплохих результатов. Поэтому в 1936 г. с упразднением интегральной кооперации местные партийные и советские органы решили колхоз иманских удэгейцев «Удэхеец» реоргани-

низовать и перевести на устав сельскохозяйственной артели. В 1937 г. реорганизацию провели и новый колхоз назвали «Красный удэгеец». За хозяйством было закреплено 111 га пахотных и 40 га сенокосных угодий³⁴, которые в период коллективизации были конфискованы у старообрядческого населения с. Лаулю (ныне с. Дерсу). Удэгейцам оказали помощь в приобретении орудий труда, рабочего и продуктивного скота.

Колхозники «Красного удэгейца» выращивали овощи, пшеницу, фуражные зерновые и технические культуры. В хозяйстве имелись небольшое стадо крупного рогатого скота, свиноферма и пасека. Зимой большинство мужчин охотились на пушных и копытных зверей, что благоприятно сказывалось на материальном положении иманских удэгейцев.

В послевоенный период колхоз укрепился за счет 15 русских хозяйств³⁵. Это позволило ему в 1949 г. получить с площади 25 га более 400 ц сои³⁶. Высокие урожаи зерновых и сои удэгейцы получали и в последующие годы.

В конце 40-х и особенно в начале 50-х годов внимание к развитию сельского хозяйства в стране значительно усилилось. Сентябрьский (1953 г.) пленум ЦК КПСС разработал обширную программу развития сельскохозяйственного производства³⁷. Выполняя решения этого пленума, местные партийные и советские органы усилили работу среди удэгейского населения. В результате уже в 1954 г. колхоз хорских удэгейцев «Ударный охотник», например, занял первое место в районе им. Лазо Хабаровского края по урожайности овощей. С площади 11 га они собрали 135 т овощей и завоевали почетное право быть участниками ВСХВ в 1955 г.³⁸

В колхозе иманских удэгейцев «Красный удэгеец» с площади 40 га было собрано около 500 ц доброкачественной сои, а звенья Татьяны Кялундзига и Зинаиды Кялундзига получили по 27 ц сои с одного га. Они, а также Юрий Уза были награждены орденами Трудового Красного Знамени. Правительственных наград были удостоены и Федор Кья, Елизавета Кья, Нина Кялундзига, Петр Кялундзига и Донзу Кялундзига³⁹.

К сожалению, в последующие годы в развитии хозяйства иманских удэгейцев были допущены серьезные просчеты. В частности, в 1956 г. без должного обоснования партийные и советские руководители Красноармейского района, не спрашивая согласия удэгейцев, насильственным путем объединили удэгейский колхоз «Красный удэгеец» с русским колхозом «Красный Октябрь», расположенным в соседнем поселке Лаулю (с. Дерсу). Объединенный колхоз назвали им. XX съезда КПСС⁴⁰.

Перед объединением в русском хозяйстве численный состав колхозников был в 2,5 раза больше, чем в удэгейском колхозе. Однако производственные показатели русского колхоза по валовой продукции зерновых с одного га были меньше, чем в удэгейской артели (см. таблицу).

Урожайность колхозов «Красный Октябрь» и «Красный удэгеец» накануне объединения⁴¹

Зерновые	1954 г.		1955 г.	
	«Красный удэгеец»	«Красный Октябрь»	«Красный удэгеец»	«Красный Октябрь»
	Урожайность с одного га в центнерах			
1. Рожь	12,1	11,2	7,75	6,9
2. Пшеница	14,0	12,0	11,0	11,3
3. Овес	10,0-11,0	12,0	-	12,2
4. Кукуруза	-	-	14,1	12,4

Материалы таблицы практически не требуют комментариев: удэгейцы работали несколько лучше русских колхозников, хотя для последних сельское хозяйство было делом не новым, а традиционным.

Учитывая это обстоятельство, местные органы решили, что иманские удэгейцы будут специализироваться в области растениеводства, а русским колхозникам доверили развивать животноводство. Исходя из этого, удэгейцам было приказано весь колхозный скот из удэгейского села перевести на ферму русского поселения. Таким образом, в с. Лаулю было переведено 82 головы крупного рогатого скота, 16 лошадей, 27 свиней, 44 овцы, 167 пчелосемей, а также переданы семена и фуражный фонд. Пашенные угодья в объединенном хозяйстве со 120 га увеличились до 300, а численность удэгейцев в новом колхозе не стала превышать и 19%⁴². Значительное увеличение посевных площадей удэгейцев не обрадовало. Наоборот, они увидели, что обработка такого большого массива пахотной земли займет много времени и не даст возможности заниматься им охотой⁴³.

Решение партийных и советских органов Красноармейского района и Приморского края о слиянии колхозов не учитывало национальных особенностей удэгейцев и стало причиной того, что часть коренного населения из Санчихезы стала переселяться в Пожарский район, в удэгейские поселения Сяин и Олон, где существовала охотопромысловая артель бикинских удэгейцев «Охотник», и где к тому времени сложились благоприятные возможности для охоты. Главный госохотинспектор при Приморском крайисполкоме И. Бельский писал по этому поводу: «Считаю, что это объединение сделано нецелесообразно. Удэгейцы могут уйти в Пожарский район или разойдутся... и образуют стойбища»⁴⁴.

Совместная деятельность иманских удэгейцев с русскими старообрядцами ничего хорошего не дала: удэгейцы утратили интерес к обработке посевов, а русские, разворовав корма, довели колхозный скот до гибели от голода. В итоге жизнь удэгейцев резко осложнилась, ухудшилось материальное положение. К тому же русские колхозники из с. Лаулю относились к удэгейцам недружелюбно⁴⁵. Все это привело к тому, что удэгейцы стали требовать раздела колхозного хозяйства.

10 сентября 1958 г. Приморский крайсовет вынес решение о разделе колхоза им. XX съезда КПСС после завершения сельскохозяйственного года и составления соответствующего отчета. 15 декабря состоялось общее собрание жителей с. Санчихезы, на котором удэгейцы и русские жители решили, что в своем колхозе они будут заниматься сельским хозяйством и животноводством, в качестве подсобной отрасли была названа таежная охота⁴⁶.

В феврале 1959 г. выделившиеся из объединенного колхоза удэгейцы и часть русских основали самостоятельную сельскохозяйственную артель им. В.К. Арсеньева. В новый колхоз сразу же вернулись 43 человека, ранее уехавших в другие районы Приморского края. В январе 1960 г. в колхозе им. Арсеньева работали уже 78 человек⁴⁷. В 1959 году колхоз собрал 275 ц пшеницы, 11 ц гречки, 130 ц сои, 142 ц картофеля, заготовил 1135 ц сена, 2000 ц силоса и 210 ц соломы. Денежный доход от реализации продукции растениеводства, животноводства и др. отраслей составил 257832 руб.⁴⁸ Успешно развивались все отрасли сельского хозяйства в артели и в последующие годы. В 1963 г. валовая продукция колхоза составила 31764 руб. — это на 23% больше, чем в 1959 г. Сельскохозяйственная артель им. Арсеньева просуществовала до середины 60-х годов, потом на ее базе был образован Дальнекутский производственный участок Средне-Иманского коопзверпромпхоза, где главной отраслью производства стали охота и другие таежные промыслы.

Сельское хозяйство у хорских, анюйских, самаргинских и других удэгейцев практически большого развития не получило. В послевоенный период и особенно в начале 50-х годов количество пахотных угодий в колхозах анюйских

и хорских удэгейцев увеличилось за счет таежных раскорчевок. Анюйские удэгейцы из колхоза «Красный удэ» довели свои пахотные угодья до 5 га, а хорские — до 18 га. Несмотря на рост пахотных угодий, развитие сельского хозяйства сильно отставало от охоты и других промыслов. Большинство удэгейцев сельским хозяйством занимались без особого желания, и это отрицательно сказывалось как на производственной дисциплине, так и на производительности труда. В конечном итоге к концу 50-х годов пахотные угодья в удэгейских колхозах значительно сократились: у анюйских удэгейцев в 2, у самаргинских в 16,5 (было 50, осталось 3 га), а у хорских в 24 раза (было 18 га, осталось 0,75 га)⁴⁹.

Совершенно новой отраслью хозяйства для хорских, бикинских и иманских и других удэгейцев являлось животноводство. В их колхозах имелось по несколько голов крупного рогатого скота и от 5 до 15 лошадей. Животноводство наибольшее развитие получило только у иманских удэгейцев, у которых вплоть до середины 50-х годов было до 80 голов крупного рогатого скота, имелись овцы и свиньи.

Продукция животноводства главным образом шла на удовлетворение внутренних потребностей: молоко и мясо сдавалось в детские сады, школы-интернаты и продавалось членам артелей. Немногочисленное число лошадей использовалось для вспашки земли, для перевозки грузов. Летом и осенью часть лошадей удэгейские колхозы передавали в аренду геологам и другим организациям, работавшим в районах расселения удэгейцев.

Наиболее распространенным в удэгейских колхозах было пчеловодство. Почти все удэгейские колхозы имели от 30 до 150 пчелосемей и ежегодно получали от сдачи меда государству большие доходы. Пчеловодство наибольшее развитие получило у бикинских и самаргинских удэгейцев. Эта отрасль сельского хозяйства продолжала существовать и после реорганизации национальных колхозов в госпромхозы или их отделения. Однако в начале 70-х годов пчеловодство почти повсеместно было ликвидировано из-за ежегодной массовой гибели пчел от эпидемии гнильца и других болезней.

В конце 50-х годов в колхозах хорских и бикинских удэгейцев предпринимались попытки создать звероводческие фермы по выращиванию серебристо-черных лисиц. В колхозах «Охотник» и «Ударный охотник» были отстроены специальные помещения и завезена первая партия лис. Однако через два года от этой затеи пришлось отказаться, потому что колхозы своими силами были не в состоянии прокормить животных.

В наши дни почти повсеместно политика советской власти подвергается резкой критике за то, что аборигенное население Дальнего Востока силой удерживалось в колхозах и вынуждено было выполнять работы, не связанные с традиционными промыслами. Однако полностью с этими обвинениями согласиться нельзя. Мы признаем, что сельское хозяйство среди удэгейцев не получило достаточного развития, но это не означает, что в 30-е годы внедрение его в жизнь удэгейцев было ошибкой со стороны советских и партийных органов. В те годы традиционные виды хозяйственной деятельности — охота и рыболовство — были не в состоянии обеспечить необходимый прожиточный уровень населения, а сельское хозяйство, хотя и было убыточным для колхозов, давало возможность почти всем территориальным группам удэгейцев иметь в достаточном количестве разнообразные продукты питания. Несмотря на то, что в 50—60-е годы сельское хозяйство как отрасль общественного производства в удэгейских колхозах перестала функционировать, это не стало причиной полного отказа удэгейцев от обработки земли и занятий огородничеством в личных целях. Ныне каждая удэгейская семья имеет большой огород, где выращивают разные овощи, многие из которых заготавливают на зиму в свежем, соленом и квашеном виде. Многие удэгейские семьи имеют коров и выращивают на мясо свиней, держат овец и домашних птиц. Таким образом, внедрение сельского хозяйства в жизнь удэгейцев оказалось прогрессивным явлением.

- ¹ ГАХК. Ф.682. Оп.1. Д.6. Л.10; Д.79. Л.9.
- ² Там же. Д.79. Л.14—18.
- ³ Скачко А.Е. Десять лет работы Комитета Севера // Сов. Север. 1934. №2. С.19.
- ⁴ ГАХК. Ф.682. Оп.1. Д.6. Л.9.
- ⁵ Там же. Л.10.
- ⁶ Там же. Л.11, 23—24, 62.
- ⁷ Архив ДВО РАН. Ф.1. Оп.6. Д.19. Л.224. Материалы В.Г. Ларькина.
- ⁸ ГАПК. Ф.36. Оп.1. Д.117. Л.50.
- ⁹ Там же. Д.141. Л.57.
- ¹⁰ Там же. Д.111. Л.194.
- ¹¹ Там же. Л.95.
- ¹² Там же. Д.176. Л.267.
- ¹³ Подсчитано по годовым отчетам артели «Сихотэ-Алинский колхозник» за 1942—1956 гг.
- ¹⁴ ГАПК. Ф.36. Оп.1. Д.223. Л.211.
- ¹⁵ Там же. Д.251. Л.204.
- ¹⁶ Там же. Д.299. Л.186.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. Д.334. Л.281.
- ¹⁹ Там же. Л.283.
- ²⁰ Там же. Ф.1389. Оп.1. Д.13. Л.8.
- ²¹ Там же. Л.12.
- ²² Там же. Д.34. Л.42. Л.71—73.
- ²³ Там же. Д.12. Л.28.
- ²⁴ Там же. Д.13. Л.8.
- ²⁵ Архив ИИАЭ ДВО РАН. Ф.1. Оп.2. Д.27. Л.228. Материалы автора.
- ²⁶ Старцев А.Ф. Социалистическое преобразование хозяйства народностей Дальнего Востока СССР (1917—1961 гг.) // Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX—XX вв. (Очерки истории). Владивосток, 1991. С.292.
- ²⁷ Архив ДВО РАН. Ф.1. Оп.6. Д.19. Л.246—247. Материалы В.Г. Ларькина.
- ²⁸ ГАПК. Ф.1389. Д.12. Л.31.
- ²⁹ Старцев А.Ф. Социально-экономическое развитие (сельское хозяйство) // История и культура удэгейцев. Л., 1989. С.123.
- ³⁰ ГАПК. Ф.877. Оп.1. Д.4. Л.100, 173—174.
- ³¹ Архив ДВО РАН. Ф.1. Оп.6. Д.19. Л.69. Материалы В.Г. Ларькина.
- ³² ГАПК. Ф.1389. Оп.1. Д.12. Л.120.
- ³³ Там же. Д.29. Л.8.
- ³⁴ Там же. Д.14. Л.9.
- ³⁵ Там же. Д.12. Л.1.
- ³⁶ Там же. Л.66.
- ³⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1971. Т.6. С.385—429.
- ³⁸ Ларькин В.Г. Из истории социалистического строительства среди удэгейцев // Дальний Восток за 40 лет советской власти. Комсомольск-на-Амуре, 1958. С.446.
- ³⁹ ГАПК. Ф.1389. Оп.1. Д.12. Л.125.
- ⁴⁰ Там же. Д.14. Л.1—5.
- ⁴¹ Там же. Д.12. Л.66.
- ⁴² Там же. Л.21, 25—26.
- ⁴³ Архив ДВО РАН. Ф.1. Оп.6. Д.19. Л.249. Материалы В.Г. Ларькина.
- ⁴⁴ ГАПК. Ф.1389. Оп.1. Д.12. Л.26.
- ⁴⁵ Там же. Д.14. Л.2.
- ⁴⁶ Государственный архив Красноармейского района Приморского края (ГА КРПК). Ф.11. Оп.1. Д.2. Л.42; ГАПК. Ф.1389. Оп.1. Д.14. Л.10.
- ⁴⁷ ГАПК. Ф.131. Оп.20. Д.36. Л.241.
- ⁴⁸ Там же. Л.244, 249.
- ⁴⁹ Архив ДВО РАН. Ф.1. Оп.6. Д.19. Л.246. Материалы В.Г. Ларькина.

SUMMARY: The article by Candidate of Historical Sciences Anatoliy Startsev tells about one of the peoples of the Far East, being small in number. They are the Udeghes. For traditional economy (hunting and fishing) turned out to be incapable to secure necessary living wage of the aborigines, the Udeghes were occupied with agriculture. Though this activity has not become a separate branch of social work, almost every family grows vegetables and has got cattle today. The author comes to a conclusion that introducing agriculture in the life of the Udeghes was progressive.